

И не может иначе

Так уж у меня сложилось, что неплохо знаю жизнь актеров по ту сторону рамы. Вернее, по ту сторону сцены. Нынешние драматурги, сценаристы не раз заглядывали в свое творчество в этот сложный мир. И странное дело, их «видение», как правило, оборачивалось либо водевильностью, либо карикатурностью. Речь все больше идет о вздорности, зависти, зазнайстве, на уровне злых баек и милых казусов. Что за «проблематика»? Что за подслеповатая неуважительность?

Я знал Марьяну Яблонскую. Красивая женщина, светлый человек, одаренная актриса. Она была из тех актрис, которым недостаточно кем-то написанных текстов. Это был человек строгих чувств, обостренной справедливости и, конечно, многозначного таланта. Марьяна Яблонская временно ушла из жизни, оставив нам сборник рассказов, изданных «Советским писателем», и несколько пьес, одна из которых — «Плюшевая обезьянка в детской кроватке» — поставлена нынче режиссером Вячеславом Долгачевым на малой сцене Московского драматического театра имени Н. В. Гоголя.

Это не рецензия на спектакль. Я просто хочу сказать несколько слов о Светлане Брагарник, исполнившей в нем роль актрисы, об этой роли.

Пьеса вроде бы о выборе в жизни. Но у героини ее нет выбора. Она родилась, чтобы стать актрисой. А стать мало, надо быть ею. Или, проще говоря, надо, чтобы тебя взяли на работу в театр. И еще надо, чтобы тебе дали роль. Иначе кто же узнает, что ты актриса? Не бывает скрипача без скрипки, не бывает героя без подвига.

Жизнь настоящего актера — это подвиг. Это жертва собой. Это ига собственной одаренности. Это рабство во владениях зрителя. Это неумолимая власть призвания — на том стою и не могу иначе.

А в театр актрису не берут. Но может быть, она неталантлива? Да нет, талантлива. И не про

то речь. Речь об испытании преданности искусству уже отнюдь не юной актрисы, прошедшей голгофу семи главных ролей в далеком маленьком театрике. Речь о жажде выразить себя. Вернее, себя через людей из пьес. Без этого актер очень одинокий человек.

Три часа Светлана Брагарник не сходит со сцены. Три часа мучился я ее мукой. Именно ее. Это было уже нечто большее, чем перевоплощение. Заслуженная артистка РСФСР Светлана Брагарник не просто рассказала о сложной судьбе своей придуманной и выстраданной драматургом подруги по искусству. Она не просто разделила с ней душу эту судьбу. Она прожила эту судьбу. Я забыл об игре, об условности. Я очень страдал за эту ожившую для меня во плоти героиню пьесы.

На сцене театра произошло чрезвычайно ценное, то, в чем так нуждается сейчас театр, — современные способы игры слились со старинной русской актерской школой — отдать все в себе героине. Посвятить себя ей.

Через три часа Светлана Брагарник вышла раскланяться и поблагодарить зрителя. Вышла простоволосая, измученная женщина. Зрители аплодировали истово. Они благодарили все еще не С. Брагарник, а ее героиню. Они разделили с ней трагедию, унесли ее трагедию с собой, в себя. Хороший спектакль не завершишь опущенным занавесом.

Я мог бы сказать о совершенно очевидных расчетах. Но реплики молчат, когда высоко звучат музы. На высокой человеческой ноте. Маловероятная возможность попасть на этот спектакль говорит о благодарности зрителей. Но еще более, думаю, велика признательность зрителей-актеров. За горькое и чистое слово о них.

Э. ГРАФОВ.

Соб. ксерокопия, 1985, 25 июня